

- Новые встречи с любимым актером
- Связь поколений, связь времен

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

НАШ ДРУГ — ОТЕЦ СОЛДАТА

В ближайшее время издательство «Искусство» выпускает монографию М. Б. Левина «Серго Закариадзе» (серия «Жизнь в искусстве»). Мы публикуем фрагмент из книги.

...Мы едем в Зестафони. Там отмечают сороковины по отцу Серго. Как и многие грузины, он верит не в бога, а в обычай: за ними ему видится человеческое отношение к человеку. Серго почти не пьет, но, не следуя издревле сложившемуся пристрастию к вину, он ни в чем не нарушает обычая стола. Обычно он внимательно слушает тамаду, вторит губами его речи, охотно поднимает чашу и выплетает свой голос и в застольную беседу, и в песню, то и дело вспыхивающую за столом.

Ничто не может помешать ему ехать на сороковины — ни театр, ни съемки, даже болезнь Мэри Михайловны, его преданной жены и друга, вызвавшая у него, во всем спокойного, такую душевную тревогу. Но тут уже сказывается не только обычай — отчима он любил не меньше родного отца; редчайшей души человек пригрел и обладал его мать, вдову с тремя детьми, и поднял всех на ноги.

Под вечер мы приезжаем в Зестафони.

Зестафони, Зестафони, чудный городок! Мелодично звенит твое имя: Зе-ста-фо-ни... Звонит твой ветер, налетающий с гор, чтобы мигом пересчитать все листья на всех деревьях, — только ему под силу такая гигантская работа. Солнце твоё горит, но не обжигает, ночи сшиты из черного-пречерного бархата, вытканного звездами, яркой сверкающими от сознания, что нет крупнее их на всем белом (на черном, наверное, ночью ведь?) свете. Ты не самый шумный из всех шуми-городков говорливой Грузии, но как назвать тебя тихим, если поезда, прорезая тебя насквозь, идут по главному проспекту, и хоть класоны запрещены на твоих улицах, как во всех уважающих себя городах, станция есть станция. И она шумит!

На эту станцию более полувека назад приехала из Баку семья железнодорожного машиниста Александра Закариадзе, чтобы поселиться на земле своих предков, крестьян, постепенно спускавшихся с гор Верхней Имеретии к Зестафони. Старший из троих детей Закариадзе, Серго, родившийся в 1909 году, был красивым, подвижным, увлекающимся мальчиком, безоглядно любящим театр. Серго выступал на школьной сцене в Баку, а в Зестафони, где летом давали спектакли известные тифлиские актеры, он напросился на детские роли и приобрел некоторую популярность.

На этой станции спустя несколько лет четырнадцати-

летний Серго увидел объявление о приеме учеников в Тифлисскую драматическую студию. В страшно возбуждении прибежал домой и стал упрашивать мать (отца уже не было в живых) отпустить его в Тифлис. Когда же получил отказ, сбежал из дому, поручив младшему брату (теперь известный театральный актер Бухута Закариадзе) передать матери, чтобы не беспокоилась о нем, не волновалась, как он будет жить, но если захочет, то пусть присылает полпуда лобно (фасоли) и пуд кукурузной муки в месяц, иначе может случиться, что он умрет с голоду...

На эту станцию потом много раз приезжал Сергей Александрович Закариадзе и с драматической труппой, и с киносъемочной группой, и с футбольной командой. Да, с футбольной командой! Серго Закариадзе, хороший спортсмен, был центральным защитником не только в зестафонской команде, но и в знаменитом тбилисском «Динамо». Сам Шота Шавгулидзе, известный в свое время правый крайний и капитан динамовцев, с грустью укорял Серго за то, что он бросил футбол ради театра. «Стоило тебе бросить чудесное занятие, — печалился капитан. — Смотри, я уже заслуженный мастер спорта, награжден орденом, а ты кто такой, ну? Актер!.. Столько их на белом свете, а? А хороших футболистов — раз-два и обчелся».

Шавгулидзе говорил это Закариадзе, когда тот уже получил роль Карла Моора в «Разбойниках» у самого Котэ Марджанишвили, знаменитого грузинского режиссера, своего первого учителя...

Артистическая карьера Закариадзе началась в раннем детстве, и в истоке ее лежала зависть. Он завидовал отцу, всеобщему любимцу, успешно игравшему на любительской сцене. Завидовал мальчику из хора, в котором пел, потому что того, а не его, облачили в царские одежды для воинственной песни из времен царя Ираклия. Завидовал девочке, родственнице режиссера И. Перестяни, изображавшей маленького Зураба, которого замуровали живым в стену в фильме «Сурамская крепость». Он по многу раз смотрел этот фильм и ночами наивно мечтал, что девочке надоеет изображать Зураба и тогда позовут его, Серго, чтобы он сыграл эту роль.

Зависть была доброй, она вывела его на профессиональную сцену, породила фанатическую любовь к искусству, преданность своему делу, бескомпромиссность и то подвижническое отношение к труду, которым отличается Закариадзе среди своих коллег и сверстников. Ради искусства он готов пойти на все, на любое испытание.

В Кутанском театре, куда Закариадзе пришел юно-

шей, проучившись немного времени в Тифлисской театральной студии, он получил крошечную роль шестого заключенного в пьесе Эраста Толлера «Гоп-ля, мы живем!». Марджанишвили он не приглянулся, быть может, поэтому режиссер надолго «забыл» его лежащим ничком (такой была мизансцена). Закариадзе лежал не шевелясь. Когда же Марджанишвили, явно заинтересованный долготерпением новичка, подошел и сказал: «Поверни-ка голову», — Серго взглянул не на режиссера, а на штык, направленный солдатом в его затылок, и это настолько восхитило режиссера, что тот проникся к нему горячей симпатией.

Понадобился в этом же спектакле танец — модное акробатическое танго, и «жадный» Серго так растрогался со своей партнершей, что их стали приглашать на эстраду. Играв циркача Тибула в «Трех толстяках», Закариадзе заставил себя прыгать через нескольких человек, делать сальто и, хотя однажды ударился головой о каменный пол, после больницы продолжал в спектаклях свою акробатику.

Но главную массу своего таланта и труда он тратит на поиски «жизни человеческого духа», на создание уникального характера, на лепку неповторимого образа, всегда самобытно национального и в то же время общечеловеческого.

Для Закариадзе искусство не просто профессия, не только любимое дело, без которого хоть головой с моста. Нет, искусство для него — это единственная возможность самоосуществления, способ жить, быть человеком, гражданином, выразить свое отношение к жизни, ко всему, что происходит вокруг.

Конечно, у него обнаружился способности к лицу, к тому, что Аристотель назвал подражанием природе. Но у скольких людей способности так и не развились в таланты! С другой стороны, скольких одаренных людей силой тащили в искусство, особенно в юные лета, когда вокруг, в самой жизни, так много соблазнительного, а впереди, так кажется, уйма времени и все успеется, все сладится, тем более, что есть способности.

А Закариадзе сам рвался

в искусство, зачастую вопреки обстоятельствам, наперекор людям, среди которых были не только равнодушные, но и такие, что вставали поперек его пути. Достаточно сказать, что он, уже признанный актер, дважды уходил из театра, скажу точнее, вынужден был бросить сцену, в первый раз на пять лет, во второй — на три года.

Он одержимый. С ним тяжело, как со всяким умным, талантливым, постоянно ищущим, вечно неудовлетворенным художником. Это к нему относятся слова Маяковского: «В грамм добыча, в год труды. Изводишь тыня словесной руды». С ним тяжело на репетиции, потому что он не оставит работы, пока не проникнет в суть сути образа, и не только своего, но всей пьесы в целом. С ним тяжело на спектаклях: совершенствуя роль до бесконечности, он может непроизвольно заслонить ею остальных.

С ним тяжело перед съемочной камерой: он перепишет свою роль, часто весь сценарий, ломая сопоставления кинодраматурга, режиссера, оператора, и как оказывается впоследствии, на благо фильма. С ним могло быть тяжело и в просмотровом зале, если бы он смотрел свои фильмы. Но, наученный горьким опытом монтажного своеволия, он не смотрит их, понимая, что тут уже ничего не изменишь. Единственный фильм, к которому он возвращается, — это «Отец солдата».

Картина с начала до конца создавалась совместно с Закариадзе. Тут-то монтаж не снял у него лучших сцен... Да, с ним нелегко... Но разве можно поверить, что с ним тяжело, когда видишь это открытое лицо, эти молодые, лучащиеся глаза, постоянное радушие, дружеское движение навстречу собеседнику?

В фильме «Морская тропа» он играл Старика, бывшего моряка, ощутившего непременное одиночество, когда его, полного сил, проводили на пенсию. Драматической кульминацией кинопоэмы стал заплыв Старика с группой молодежи. Постепенно все отстали, и Старик остался в открытом море один на один с самым выносливым юношей. Но вот выдохся и смелый мальчик... Тогда старый моряк поддерживал его на воде, помог взят

второе дыхание, вернее, отдал ему свое последнее дыхание: он погубил, но юноша выплыл к берегу. Глубокий смысл в этой коллизии!.. Но не об этом речь.

Съемки начались в разгар теплой осени, закончились в середине холодной зимы. Единственный человек из большой группы актеров и пловцов, кто выдерживал по несколько часов в холодной воде, был Закариадзе. Сцену гибели старого моряка снимали в открытом море в часы заката. Серго увозили далеко от берега, оставляли одного в необозримом пространстве угасающего дня (снимали с вертолета), и это, как он признавался, было страшно. Но кто мог это заметить, когда в групповых съемках он поддерживал бодрость в замерзающих партнерах озорной шуткой, горячей улыбкой и темпераментной непосредственностью своей игры перед камерой.

Когда выдающийся режиссер Алексей Попов выдвигал Закариадзе на Государственную премию за роль Гигаури в пьесе «Его звезда», не менее авторитетный мастер, Юрий Завадский, назвал Серго одним из талантливейших, своеобразнейших актеров Грузии. Это было в

визг тормозов нескольких машин. Оттуда выскакивают обрадованные люди — они увидели Закариадзе и несут в корзинах плоды щедрой грузинской земли: виноград, гранаты, персики. Кушайте, пожалуйста!.. Сына Закариадзе зовут Гурам, но все его называют Готердзи, по имени сына Махарадзиви из «Отца солдата».

Трогаемся в путь. Подъезжая к Тбилиси, Серго не замечает знака объезда и мчится прямо по перекрытой дороге. На полпути воздух просверливают милицейские свистки. Со всех сторон съезжаются мотоциклы, догоняющие нарушителей. Нарушителей? Ничего подобного! Старший из группы, капитан милиции, глядя умиленно и козырнув, осведомляется, когда же батона (уважаемый) Серго снова сыграет роль Пироманишвили. Сам он трижды видел этот спектакль, но его отец, лично знавший великого художника, тяжело болел, в театре побывать не смог, а сейчас выздоровел и жаждет посмотреть, как сливаются, подобно рекам Куре и Арагви, два замечательных мастера — Пироманишвили и Закариадзе.

Поразительно обаяние личности Закариадзе, его воздействие на самых различных людей — будь то земляки-зестафонцы, артисты-соратники, деятели искусства, любители театра и кино, прохожие на московских улицах и проезжие на горном перевале, зрители, с которыми он встречался на Родине и во многих странах. Для каждого у него есть ласковый взгляд и доброе слово, каждый чувствует в нем человека доброжелательного, дружелюбно настроенного, постоянного и верного в своих привязанностях. Особенно это ощутимо в его семейной жизни, в отношениях с женой Мэри Михайловной, дочерью известного режиссера Михаила Корели и знаменитой актрисы Нуцы Чхеидзе, с женой-другом, которая ради него бросила сцену, с сыном Гурамом и невесткой Лейлой, с внучками Нино и Тамрико.

Вот сейчас он поставит машину, пообедаст и пойдет с внучками в бассейн, чтобы не прерывались спортивные традиции в семействе Закариадзе.

М. ЛЕВИН.